

ИГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

К. ВЕЙСМАЙЪ Г.

Цѣна на годъ съ дост.	6 р. — к.
безъ дост.	5 » — »
На полгода.	3 » 50 »
На три мѣсяца.	2 » — »

Редакція: Малая Подъяческая, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Иванъ Купала. Н. Сорокинъ. — II. Царь-Морозъ. Сказка. А. Лукьяновскій. — III. Нашъ Югъ. С. Лаврентьева. — IV. Дѣти цирка. А. С. — V. Старый Наги. Н. Несмѣловъ.

ИВАНЪ КУПАЛА.

(Отрывокъ изъ „Моего прошлаго“).

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

ВБЫЧАИ нашей деревни удивляли и занимали насъ, дѣтей. Но, ничто на меня не производило такого потрясающаго, можно сказать, впечатлѣнія, какъ Иванъ Купала. Эта ночь, эти пылающіе костры на берегу темнаго пруда, пляска, прыганье черезъ огни—все напоминало дикихъ,

*) См. № 6 „Игрушечки“ 1881 года.

о которыхъ я любилъ читать въ дѣтскихъ журналахъ и книжкахъ. Особенно врѣзалась мнѣ въ память легенда, по которой папоротникъ цвѣтетъ въ ночь на Ивана Купала, что цвѣтъ этотъ “горитъ“, что онъ заключаетъ въ себѣ чудодѣйственную силу, и такъ далѣе. Однимъ словомъ, я всегда съ замираніемъ сердца ждалъ дня, въ который совершается такъ много чудеснаго. Всякія подробности, касающіяся папоротника, схватывались мною на лету и запоминались. Странно было только то, что никто не хотѣлъ идти за цвѣткомъ. Отговаривались тѣмъ, что растетъ папоротникъ въ глухихъ лѣсныхъ трущобахъ, что оберегаютъ его духи или, по просту, нечистая сила, и что, наконецъ, надо имѣть слишкомъ сильный характеръ, настойчивость, смѣлость и энергію, чтобы въ полночь отправиться за поисками... Отъ няни слышалъ я, ко всему этому, что если случится кому достать цвѣтокъ, то тому все удастся. „Подъѣдете вы, къ примѣру, говорила старуха, ко дворцу запертому, приложите къ замку цвѣточекъ—замокъ разорветъ на части, двери растворятся сами собою, и вы какъ королевичъ въ комнату взойдете!.... Отъ того-то папоротникъ и называется „разрывъ трава“, добавляла разскащица.

Подобные разсказы интересовали меня сильно, но... конечно, въ началѣ не хватало духа попробовать счастья самому достать въ лѣсу растеніе, разцвѣтающее одинъ разъ въ годъ, въ глухую полночь. А между тѣмъ желаніе было ужъ очень сильно. Я почти рѣшался на смѣлый подвигъ.

И вотъ, случилось со мною слѣдующее происшествіе. Но, прежде чѣмъ передать эту маленькую исторію, начну мой разсказъ съ описанія мѣстности, въ которой мы жили, чтобы было понятно, почему меня постоянно подзадоривало искать приключеній въ ночь на Ивана Купала.

Домъ нашъ барскій, со всѣми затѣями и удобствами добраго стараго времени, стоялъ между крутыхъ склоновъ горъ, которыя съ трехъ сторонъ надвигались на него зелеными

стѣнами; съ четвертой — поднималась „дальняя“ гора, нѣсколько ниже, болѣе отлогая и не такъ близко подходящая къ усадьбѣ. Такимъ образомъ наше „гнѣздышко“ помѣщалось въ ущельѣ. Многочисленныя чисто выбѣленные хаты тянулись въ два ряда отъ воротъ, образуя широкую улицу; она упиралась въ большой, глубокой прудъ съ исправной плотиной и новымъ мостомъ. Красные обрывистые склоны дальней горы, густыя ракиты, покрывающія берега, хорошенькая кузница—все это отражалось въ прозрачной водѣ.

Стаи утокъ гуськомъ плаваютъ у высокихъ камней, лодка-душегубка покачивается у берега, длинноногая сѣрая цапля, неподвижно стоящая на одной ногѣ, наконецъ, крики „держкача“ *)—все такъ живо у меня до сихъ поръ въ памяти, точно вчера я любовался этимъ видомъ, вдыхалъ сырой воздухъ...

Но вся прелесть мѣстоположенія заключалась не въ ущельѣ, не въ затѣйливо устроенной усадьбѣ, даже не въ прудѣ,—она заключалась, по крайней мѣрѣ для меня, въ темномъ столѣтнемъ лѣсѣ, который покрывалъ близкія горы и подходилъ такъ близко къ дому, что крайніе развѣсистые дубы стучали своими вѣтвями въ окна отцовскаго кабинета.

Передъ балкономъ, обсаженнымъ акаціей, сиренью и рябиной, разбитъ былъ довольно искусно цвѣтникъ, направо возвышались дѣтскія качели, выкрашенныя зеленой краской, и прямо, какъ стрѣла, тянулась широкая, темная аллея, прорѣзающая лѣсъ почти до самой половины и упирающаяся въ недостроенную бесѣдку, съ тремя полукруглыми окнами и четырьмя колоннами. Когда началась строиться эта бесѣдка—я не знаю, но достраиваться она никогда, кажется, не намѣревалась, и видѣть передъ собой съ балкона какой-то деревянный остовъ сдѣлалось у меня такою необходимостью, что я даже не могъ бы себѣ и вообразить ту физиономію, какую приняла бы эта аллея и, пожалуй, самый лѣсъ, еслибы на концѣ дорожки вдругъ появился отдѣлан-

*) Малороссійское названіе одной болотной птицы.

ный павильонъ. Казалось, что такъ и надо, чтобы бесѣдка была недостроена.

Русскія и нѣмецкія сказки, волшебные разказы, легенды и преданія были любимымъ моимъ чтеніемъ. Я глубоко въ-рилъ во все сверхъестественное и со вниманіемъ слушалъ необыкновенныя происшествія, о которыхъ повѣствоваль мой отецъ, когда къ намъ пріѣзжали сосѣди помѣщики. Само собою разумѣется, что фантазія моя работала сильно, и никакія объясненія гувернантки-нѣмки, старавшейся представить мнѣ многое въ настоящемъ видѣ, не принимались въ расчетъ. Хотѣлось, чтобы все таинственное было такъ, какъ объ этомъ пишется въ сказкахъ.

— Оно гораздо интереснѣе!—думалось мнѣ.

На этомъ основаніи, нашъ темный лѣсъ, изрѣзанный безчисленнымъ множествомъ дорожекъ, украшенный во многихъ мѣстахъ зелеными рѣшетчатыми лавочками, диванчиками и столиками, былъ для меня полонъ необыкновенной прелести.

Чего только не передумывала моя дѣтская голова, когда я передъ утреннимъ чаемъ „дѣлала прогулку“ въ сообществѣ съ Амаліей Васильевной!.. Еслибы знала молчаливая нѣмка, до какой степени понятны мнѣ шелестъ листьевъ, покачиваніе цвѣтовъ, крикъ грачей, которые въ громадномъ количествѣ населяли вершины высокихъ деревьевъ! Всѣ предметы, одушевленные и неодушевленные, были для меня здѣсь существами дѣйствующими, чувствующими и понимающими; мало того, ихъ жизнь имѣла связь съ моею, мы находились въ общеніи другъ съ другомъ.

Были, напримѣръ, нѣсколько дубовъ и липъ, кора которыхъ носила на себѣ множество буквъ, вензелей, чисель,—многіе, пріѣзжавшіе къ намъ погостить, хотѣли этимъ оставить по себѣ какія нибудь воспоминанія. Вотъ эти-то изрѣзанныя, развѣсистыя деревья были почему-то моими любимцами. Каждый день я приходилъ къ нимъ „поздороваться“, спросить, какъ они провели ночь, эту темную ночь, когда

не было ничего видно въ двухъ шагахъ и „не было ли имъ страшно?“

И я слушалъ ихъ отвѣтный шумъ, вглядывался въ трепетаніе листьевъ и старался понять то и другое.

Иногда деревья служили мнѣ даже оракулами. Я спрашивалъ у нихъ: буду ли знать урокъ сегодня? Найду ли свою пропавшую кисточку? — и всегда получалъ утвердительный или отрицательный отвѣтъ. Ужъ я и не говорю о птицахъ, животныхъ, насѣкомыхъ. Мнѣ и въ голову не приходило, чтобы они жили сами по себѣ, не обращая вниманія на мои интересы, не желая подѣлиться со мною горемъ или радостью. Порхающая бабочка, прыгающіе кузнечики — заставляли и меня бѣгать съ ними въ запуски, скакать черезъ канавки и ямы. По моему понятію, насѣкомыя эти веселились, заигрывали со мною, желая, чтобы и я „игралъ“ съ ними, какъ съ товарищами. Правда, случалось видѣть, какъ птицы на моихъ глазахъ схватывали и уносили рѣзвыхъ товарищей, и тогда я былъ самъ не свой въ продолженіи цѣлаго дня.

Изъ царства животныхъ я ни съ кѣмъ не былъ знакомъ. Волковъ и лисицъ не видѣлъ, да и не желалъ встрѣчаться съ этими злыми животными! Зайцы не подпускали близко къ себѣ. Я видѣлъ ихъ только два раза издали и считалъ ихъ за странныхъ гордецовъ, почему-то не желавшихъ сойтись со мною.

Не то было по отношенію къ птицамъ. Царство пернатыхъ приковывало главнымъ образомъ мое вниманіе. Я зналъ мѣста, гдѣ водится соловей, могъ указать на гнѣзда крапивника, малиновки.

Случалось, бывало, послѣ окончанія урока, ускользнуть отъ бдительнаго надзора нѣмки и вмѣстѣ съ Костикомъ, „казачкомъ“, приставленнымъ „ходить“ за мною, убѣгалъ въ лѣсъ.

Свернувъ куда нибудь съ главной аллеи, пробѣжавъ довольно большое разстояніе, мы направлялись напрямикъ

черезъ бурьянъ и крапиву. Здѣсь поломанныя растенія образуютъ довольно замѣтную дорожку — это наша тропинка. Съ трудомъ пробираемся дальше. Крапива жжетъ лицо и руки, репейникъ впивается въ платье, дергаетъ за рукавъ, душистая павилица схватываетъ за ноги... Трава все выше. Мы поминутно оступаемся въ какія-то ямы, натыкаемся на кротовыя норки... Вотъ и полусгнившее дерево лежитъ поперекъ дороги, все усѣянное лишаями, обросшее мхомъ. Здѣсь надо свернуть въправо. Еще нѣсколько шаговъ, и мы у цѣли нашего путешествія: на стволахъ высокой крапивы, подъ тѣнью ея сѣдыхъ листьевъ качается маленькое гнѣздышко, оно аккуратно свито изъ сухихъ, тонкихъ стеблей травы и имѣетъ правильную, круглую форму; въ немъ, въ этомъ гнѣздышкѣ, сидитъ сѣренькая маленькая птичка съ длиннымъ носикомъ. Она слышала шумъ и безпокойно поглядываетъ черными, блестящими глазами, испуганно поворачивая головку въправо и влѣво. Мы притаили дыханіе, замерли на мѣстѣ. Птичка, повидимому, успокоивается. Надъ ея головой большой зеленый паукъ разгуливаетъ по своей паутинѣ и ожидаетъ мошекъ... На стеблѣ, поддерживающемъ гнѣздо, неподвижно сидитъ жирная, темная тля; вокругъ нея хлопочетъ муравей; онъ щекочетъ ее своими усиками, дотрогивается слегка передними лапками, вотъ тля приподнимаетъ неуклюжее тѣло и выпускаетъ каплю свѣтлой, прозрачной жидкости... Муравей пьетъ этотъ сладкій напитокъ и бѣжитъ вверхъ по стеблю, пока не исчезнетъ въ листьѣ.

Все это видѣли мы съ Костикомъ и наблюдали каждый день, пока, наконецъ, не появятся молодые птенцы въ гнѣздышкѣ, пока они не выростутъ и не улетятъ. Тогда пустѣетъ ихъ мягкая колыбелька, и мы оставляемъ ее до будущаго года.

Случалось иногда, во время посѣщенія гнѣздъ, наткнуться на непріятности: пробираясь между травой, вдругъ увидишь змѣю; лежитъ она, свернувшись какъ часовая пружина, грѣется на солнцѣ и зорко смотритъ на насъ, шевеля сво-

имъ двухконечнымъ жаломъ. Ну, признаться, въ такихъ случаяхъ, мы обращались въ самое поспѣшное бѣгство и, вернувшись домой, долго не въ состояніи были перевести духъ. Почему змѣи производили на меня такое сильное и непріятное впечатлѣніе, я и самъ не зналъ. Вѣдь онѣ нисколько не походили на тѣхъ змѣевъ-горынычей, о которыхъ говорится въ сказкахъ!

Особенно симпатична мнѣ была кукушка. Я глубоко былъ увѣренъ въ томъ, что это вовсе не птица, а дѣвушка, которую мачиха злыми чарами превратила въ бездомную скиталицу. И плачетъ она, и грустно кукуетъ, сидя на вѣткѣ, и нѣтъ у нея своего родного теплаго гнѣздышка! А что она дѣйствительно плачетъ, объ этомъ никто не могъ спорить со мною, такъ какъ я самъ видѣлъ подъ деревьями „кукушкины слезки“ *).

Не весело становилось у меня на душѣ, когда я прислушивался къ грустному воркованью горлинки. Неужели, думалось мнѣ тогда, найдутся люди, которымъ будетъ непонятенъ этотъ тихій стонъ? Развѣ не слышно, какъ милая птичка зоветъ кого-то, какъ она о чемъ-то проситъ, страдаетъ?...

Н. Сорокинъ.

(Продолженіе будетъ).

*) Въ Курской губерніи этимъ именемъ обозначаются виды растенія *Cuscuta*, растущія паразитно на крапивѣ и другихъ травахъ.

ЦАРЬ-МОРОЗЪ.

(Народная сказка).

(Посвящается моему приятелю—Зинѣ Савиской).

ОГДА-то, гдѣ-то на землѣ,
Въ одной деревнѣ, иль въ селѣ
Старикъ съ старухой вмѣстѣ жили.
Они не то, чтобъ тароваты,
Не то, чтобъ были и богаты,
А сыты были, не тужили.
Старикъ имѣлъ родную дочь,
Старуха также. И точь-въ-точь —
На мать-покойницу похожа:
Умна, добра, ловка, пригожа
Дочь старикова уродилась;
Да вотъ за то и не взлюбила
Бѣдняжку мачиха,—сердилась,
Ѣсть не давала, даже била.
Какъ падчерица ни старалась
Ворчунѣ старой угождать, —
Все злая баба придиралась.
И начала надоѣдать,
Какъ муха лѣтомъ, старику, —
Жужжитъ ему и день, и ночь:
„Ну и родня-жъ твоя!... ну, дочь!...
Возьми свези ее въ рѣку,
Иль голодомъ смори, иль брось
Зимой въ лѣсу и заморозь!...“

Пришлось старику не въ мочь.
Вотъ горе!... какъ же не тужить!...
Какъ погубить родную дочь?...
А видитъ, что не дастъ дожить
Старуха вѣка и ему —
Не въ моготу и самому!
Хоть больно, хоть и жаль до слезъ,
А дѣлать нечего: отвезъ
Онъ въ поле на саняхъ бѣднягу,
Да тамъ и бросилъ, какъ бродягу.

* * *

Тоскуеть, плачется на долю
И бродить сирота по полю.
И какъ не плакать, не грустить,
Какъ злую мачиху простить!...
Старуха, словно дикій звѣрь,
Домой закрыла ей дорогу;
Одно осталось ей теперь:
Молиться о спасеньи Богу!...
Гдѣ приютиться отдохнуть?
Какъ ночь придется проводить?
Гдѣ отогрѣться и заснуть?...
Уставши плакать и бродить,
Въ лѣсу присѣла у опушки...
День гаснетъ, наступаетъ вечеръ...
И, разыгравшись, ломитъ вѣтеръ
Деревьевъ мерзлыя верхушки.
Стемнѣло; поднялась мятель, —
Слѣпить, глушить, наводитъ страхъ.
И стелетъ мягкую постель
И на поляхъ, и на горахъ.
И птица всякая, и звѣрь —
Живое все спѣшитъ теперь
Отъ непогоды въ эту пору
Иль въ теплое гнѣздо, иль въ нору.
А сиротинка?... вся дрожитъ
Отъ холода, закрывъ глаза;
И тихо за слезой слеза,
Какъ жемчугъ, по лицу бѣжитъ.
Ахъ, страшно быть въ лѣсу одной!...

Сыскавши, подь большой сосной
 Межь пней, уютный уголокъ, —
 Легла, свернувшись вся въ комокъ,
 Согрѣвшись — начала дремать...
 И вотъ подь шумъ вѣтвей сосны
 Ей снятся золотые сны:
 Стоитъ предъ ней родная мать.
 Въ какой-то ризѣ бѣлоснѣжной;
 На головѣ вѣнецъ горитъ,
 И, къ ней склонясь съ улыбкой нѣжной.
 Ей глядя въ очи, говоритъ:
 „Не плачь, дружочекъ, не грусти
 И злую мачиху прости!
 Тому, кто добръ и кто полюбитъ
 Злодѣевъ и враговъ своихъ,
 Кто Богу молится за нихъ —
 Не страшно зло, во вѣкъ не сгубитъ!
 И на яву я, и во снѣ
 Съ тобой!... Молися обо мнѣ!...“
 Какъ птичка разомъ встрепенулась
 Сиротка, — съ радости проснулась;
 Глядитъ вокругъ: мятели нѣтъ,
 По прежнему въ лѣсу одна,
 А въ чистомъ полѣ тишина,
 Лишь мѣсяцъ льетъ свой тихій свѣтъ,
 Сіяя въ высотѣ небесъ;
 Да звѣзды блещутъ и горятъ —
 О Божьей славѣ говорятъ!
 Стоитъ, какъ заколдованъ лѣсъ;
 Снѣгъ мягкимъ стелется ковромъ
 И ослѣпляетъ серебромъ.
 Все замерло, хотя бы звукъ
 Скользнулъ въ безмолвіи глубокомъ;
 Покрытый снѣгомъ развѣ сукъ,
 Сломившись стукнулъ ненарокомъ.
 Приятно, нѣжась на постелѣ,
 Мечтать объ утренней порѣ:
 „Большой сегодня, въ самомъ дѣлѣ,
 Морозъ, должно быть, на дворѣ!“
 Но какво бѣдняжкѣ нашей
 Въ лѣсу, и до костей прозябшей,

Одной, заброшенной въ глуши!...
Вдругъ гуль пошелъ въ ночной тиши:
Трещить, щелкаетъ, словно бродить
Кто въ дальней лѣса полосѣ —
То Царь-Морозъ во всей красѣ —
Свои владѣнія обходить.
На головѣ вѣнецъ блистаетъ —
Весь скованъ изъ цвѣтныхъ лучей;
Столбомъ изъ устъ и изъ очей
Пыль серебристая взлетаетъ.
Покрытъ онъ ризою широкой
Изъ снѣга, инея и льда;
По поясъ на груди высокой
Висятъ усы и борода.
Идетъ неслышными стопами
Онъ по землѣ и по рѣкамъ;
Сѣдые волосы—снопами
Слѣдъ заматаютъ по бокамъ.
Невозмутимый, какъ покой,
Неспѣшно, важно выступаетъ;
Взмахнетъ могучею рукой —
И все, сжимаясь, засыпаетъ.
Съ дороги-ль путникъ гдѣ собьется —
Онъ здѣсь ужъ!.. такъ и льнетъ, и вьется!..
Куда бѣднякъ—туда и онъ,
И вдругъ навѣетъ смертный сонъ!..
Посмотритъ—мѣсяцъ въ вышинѣ
По небу бродитъ въ тишинѣ—
Сейчасъ-же радужнымъ кольцомъ
Скуетъ—и дѣло все съ концомъ!
Услышитъ, какъ рѣка журчитъ,
Играя плещетъ—онъ туда,
И испугается вода,
Вздохнетъ разъ-два—и замолчитъ!
Охватитъ дерево и жметъ,
И тискаетъ со всѣхъ сторонъ—
До корня бѣдное проймаетъ!
Пойдетъ тутъ гуль, и трескъ, и стонъ!
Вотъ ближе, громче!.. Вся дрожитъ—
И ни жива, и ни мертва
Отъ страха, и дыша едва

Сиротка бѣдная лежитъ:
 „Ахъ, Господи! теперь бѣда!
 Самъ Царь-Морозъ идетъ сюда,—
 Ему вездѣ пути—дороги!..“
 Вскочила—и давай Богъ ноги!
 Морозъ за ней... не отстаетъ...
 Лицо кусаетъ, руки щиплетъ,
 Дохнуть свободно не даетъ
 И инеемъ въ глаза ей сыплетъ.
 „Вотъ настигаетъ!.. ахъ, пропала!..“
 Бѣдняжка, замедляя бѣгъ,
 Подумала и вдругъ упала
 Безъ силъ, запыхавшись на снѣгъ.
 А Царь-Морозъ, надъ ней присѣвъ,
 Ей шепчетъ съ гнѣвомъ на распѣвъ:
 „Что съ тобою, дѣвушка,
 Бѣлая лебедушка?“—
 „Ничего, Морозушка!
 Я устала, дѣдушка!“
 Услышавъ ласковый отвѣтъ,
 Морозъ притихъ и усмѣхнулся;
 Ужъ и слѣда въ немъ гнѣва нѣтъ.
 Подумавъ, снова къ ней нагнулся:
 „Не озябла-ль, дѣвушка,
 Бѣлая лебедушка?“—
 — „Право нѣтъ, Морозушка,
 Успокойся, дѣдушка!“—
 И подивился Царь-Морозъ
 Ея терпѣнью, добротѣ,
 Незлобію и простотѣ:
 Продрогла вѣдь уже до слезъ,
 А всё любезна и кротка,—
 Все лаской тѣшитъ старика.
 „Вотъ-такъ добра! не на показъ!..
 Я самъ добрѣе съ нею сталь...“
 Морозъ ворчитъ и зашепталъ
 Ей въ третій и послѣдній разъ:
 „Согрѣвайся, дѣвушка,
 Бѣлая лебедушка!“—
 „Мнѣ тепло, Морозушка,
 Даже жарко, дѣдушка!“

„Ахъ, ангель! сердце золотое!
Тебя полюбитъ дикій звѣрь!
Болталъ я давеча пустое,
Отъ сердца каюсъ въ томъ, повѣрь!
Теперь пойдетъ иная рѣчь:
Ты уморилась,—успокойся,
Засни и ничего не бойся,—
Я буду самъ тебя стеречь!“
Сказаль, покрыль ей ризой глазки,—
И задремала безъ опаски—
И сердцемъ, и душой чиста,
Ему повѣривъ, сирота.
Проспала долго или нѣтъ—
Открыль глаза ей солнца свѣтъ.
Проснулась; видитъ, что она
Опять по прежнему одна;
Лишь лѣсъ шумить, не уставая.
„Такъ не замерзла я?.. живу?..
Гдѣ я?.. во снѣ иль на яву?..“
Глядитъ, себя не узнавая:
Была худа—и пополнѣла;
Была дитя—и стала старше;
Была красива—стала краше;
Была умна—и поумнѣла;
А платьѣ такъ идетъ къ лицу,
Что хоть сейчасъ веди къ вѣнцу!
Игрушка—шапочка съ опушкой
Блеститъ парчевою верхушкой,
Алмазнымъ свѣтитса перомъ;
Не плисомъ—бархатомъ покрыта
Соболя шубка и обшита
И золотомъ, и серебромъ;
А сарафанъ—такъ ужъ и впрямъ
Никто такого не носилъ,
И описать его нѣтъ силъ!
Весь по подолу, по краямъ
Расшитъ шелками, галуномъ,—
Сойдешь съума по немъ одному!
Фата закрыла все лицо;
На пальцѣ съ бирюзой кольцо;
Сверкаютъ звѣздами сережки;

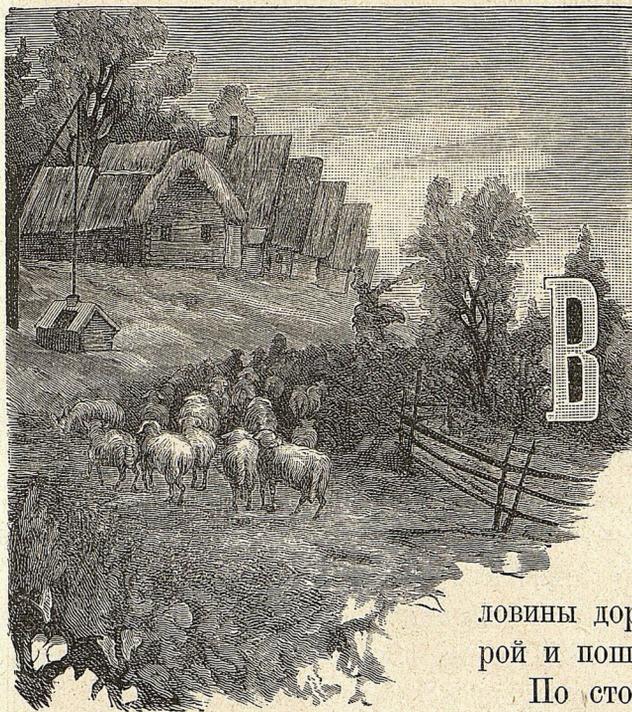
На ножкахъ красные сапожки.
 „Я-ль это?..“ Съ радости дрожить...
 Ань глядь—и зеркальцо лежитъ,—
 Сейчасъ стрѣлой къ нему порхнула,
 Да на себя-то какъ взглянула—
 И обмерла!.. „Я!.. я сама!..“
 Соиду отъ счастья я съ ума!..“
 Еще не все: вдругъ скачетъ къ ней
 Четверка вороныхъ коней!..
 Подѣхала... и что-же?! дюжій
 Медвѣдь огромный, неуклюжій
 Съ саней слѣзаетъ; снявши шапку,
 И еле захвативъ въ охапку—
 Подносить—два большихъ ларя:
 „Я отъ „Морозушки-Царя“
 Привезъ подарокъ дорогой:
 Одинъ съ деньгами ларь, другой—
 Съ парчою, съ бархатомъ, съ атласомъ;
 Носи, почаще надѣвай,
 А деньги бѣднымъ раздавай!“
 Все это проревѣвши басомъ,
 Съль, свиснулъ, да и былъ таковъ!..
 Лишь брызнулъ снѣгъ изъ-подъ подковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

А. Луцьяновскій

НАШЪ ЮГЪ.

VI. *)

Виноградъ и ви-
нодѣліе.

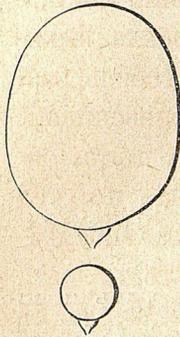
ВЫХОДЯ изъ до-
му, мы тотчасъ
поднялись наго-
ру и вскорѣ очу-
тились въ боль-
шомъ виноград-
никѣ, раздѣлен-
номъ на двѣ по-
ловины дорожкой, по кото-
рой и пошли.

По сторонамъ тянулись виноградныя лозы **), граціозно изогнувшіяся около кольевъ, къ которымъ привязана каждая лоза. Между свѣтлозеленыхъ листьевъ виднѣлись пышныя кисти или гроздья разноцвѣтнаго винограда отъ бѣлыхъ, будто молочныхъ, переходив-

*) Лоза—виноградный кустъ, прицѣпляющійся къ ближайшимъ предметамъ помощью тонкихъ прицѣпокъ, называемыхъ усиками.

**) Пять главъ, вполне законченныхъ, подъ общимъ заглавіемъ—„Нашъ Югъ“, того же автора, см. въ жур. „Игрушечка“ 1880 года. Ред.

шихъ въ прозрачно-желтые, зеленые, розовые, малиновые, ярко и темно-синіе, фіолетовые и, наконецъ, совсѣмъ темно-коричневые. Форма ягодъ разная: круглая, продолговатая, величиной отъ крошечной — безъ косточекъ — темной коринки до огромнаго зелено-янтарнаго чауса *).

Коринка, чаусъ.

Вкусомъ виноградъ болѣе или менѣе сладокъ, болѣе или менѣе соченъ; запахъ различенъ—какъ въ сортахъ мускатнаго винограда, такъ и въ изабеллѣ, съ запахомъ клубники. Кисти, иногда длиною въ полъ-аршина, плотно усаженныя ягодами; наверху лозы разбѣгаются тонкія вѣточки, цѣпляясь нѣжными усиками.

— Вотъ такъ прелесть! оглядываясь по сторонамъ, говорила Дела:—я и не думала, чтобы виноградъ былъ такъ разнообразенъ!

Но какъ удивилась она, когда узнала, что въ Крыму считается до 500 сортовъ винограда, различнаго по формѣ листа и ягодъ, и по цвѣту ихъ. Чѣмъ болѣе мы шли по винограднику, тѣмъ сильнѣе у нея являлось желаніе болѣе узнать о виноградѣ: какъ виноградъ воздѣлываютъ, и какъ изготовляютъ изъ него вино. Дядя обѣщалъ ей все рассказать, когда мы придемъ въ сосновый лѣсокъ, заманчиво темнѣвшій въ сторонѣ, за виноградникомъ. Лѣсъ встрѣтилъ насъ шепотомъ задумчивыхъ сосенъ и ароматомъ. Усѣвшись въ тѣни, въ виду красивыхъ скалъ Палеокастро, рисовавшихся сѣрыми, острыми вершинами на ярко-голубомъ небѣ, мы принялись слушать рассказъ дяди о виноградникахъ и винодѣліи.

— Устраивая совсѣмъ новый виноградникъ, началъ дядя, прежде всего перекапываютъ почву. Перекопку производятъ осенью, чтобы въ продолженіи зимы почва разрыхлилась, провѣтрилась и осѣла къ веснѣ. Посадка производится весною, но можетъ продолжаться до конца

*) Чаусъ—крупный сортъ винограда.

іюня.—Обыкновенный способъ размноженія виноградныхъ кустовъ—посадка чубуками (черенками) *). Чубукомъ или черенкомъ называется деревенистая часть винограднаго куста или лозы, имѣющая почки, изъ которыхъ можетъ потомъ развиться самостоятельный кустъ. Черенокъ, посаженный въ приготовленную почву, пускаетъ корни, составляющіе корневище, а изъ одной изъ почекъ черенка выкидывается на поверхность земли стебель. Когда стебель развѣтвится, то показываются молодые, еще не одеревенѣвшіе отростки—побѣги, когда же они одеревенѣютъ, тогда образуется лоза. Отъ лозы пойдутъ плодоносные побѣги съ утолщеніями, называемыми узлами, на узлахъ впослѣдствіи появятся листья, почки, усики и кисти цвѣтовъ.

Листья красивы и разнообразно вырѣзаны. Черешки (стебельки) у нихъ длинные. На побѣгѣ они стоятъ попеременно въ два ряда. Распускаться начинаютъ съ марта по май; опадаютъ съ октября по ноябрь.

Почкою или глазкомъ называется зародившійся побѣгъ. Почки появляются на узлахъ, въ пазухахъ листьевъ. Изъ плодовыхъ почекъ образуются побѣги съ пучками цвѣтовъ, изъ цвѣтовъ рождаются ягоды; изъ листовыхъ же пучковъ—тонкія вѣтки съ мелкими листьями и усиками, заканчивающимися вѣтвь. Появленіе на побѣгѣ усиковъ указываетъ, что плодъ на немъ болѣе ожидать нельзя.

Цвѣты винограднаго куста мелки, желтовато-зеленые, душистые. Чашечка состоитъ изъ пяти зубчатыхъ лепестковъ, соединенныхъ вершинами въ колпачекъ. Тычинокъ пять. Плодникъ верхній. Цвѣты, въ видѣ метелки, собраны на развѣтвленной цвѣтной ножкѣ, называемой кистью, укрѣпленной на узлѣ противъ листа.

Отъ распусканія почекъ до цвѣтенія, молодые побѣги требуютъ особеннаго ухода. Чтобы доставить растенію больше воздуха, свѣта и почвенной теплоты, выламы-

*) Чубукъ—татарское названіе.

ваютъ излишніе побѣги; нѣкоторые укорачиваютъ, чѣмъ ускоряется созрѣваніе ягодъ, что дѣлаетъ ихъ слаще, кисти развиваются совершеннѣе, кусты въ цвѣту менѣе осыпаются. Въ это время слѣдуетъ посыпать кусты сѣрнымъ порошкомъ, чтобы предохранить ихъ отъ вредныхъ насѣкомыхъ.

Въ іюлѣ приступаютъ къ подвязкѣ; плодовые побѣги плотно привязываютъ къ колу. Когда ягоды начинаютъ наливаться—обрываютъ надъ кистью тѣ листья, которые мѣшаютъ добраться до нихъ солнечной теплотѣ.

Сорные травы уничтожаютъ; подъ кистями, лежащими на землѣ, дѣлаютъ ямки, чтобы онѣ не касались земли и отъ того не гнили, и подправляютъ подвязку.

Ягоды винограда сначала кислы отъ большого количества въ нихъ дубильной и щавелевой кислоты. По мѣрѣ созрѣванія кислоты онѣ уменьшаются и исчезаютъ; главную составную часть сока, наполняющаго ягоду, составляетъ сахаръ. Сахаръ образуется изъ крахмала, содержащагося въ плодовыхъ ножкахъ. Когда ягода созрѣетъ — кисть сохнетъ и бурѣетъ; ягода пріобрѣтаетъ свойственную сорту мягкость; кожа—тонкость и окраску, а сокъ—сладость. Зрѣлая ягода легко отпадаетъ отъ стебля, и сѣмена ея свободно плаваютъ въ соку. Листья на лозѣ желтѣютъ или краснѣютъ и начинаютъ опадать, а побѣги бурѣютъ. Тогда настаетъ сборъ винограда. Нѣкоторые сорта, такъ называемаго, столоваго винограда поспѣваютъ раньше другихъ, ихъ срѣзаютъ съ кустовъ, по мѣрѣ надобности, или какъ лакомство, или какъ лекарство. Когда же созрѣютъ все сорта винограда, тогда срѣзаютъ все кисти и приступаютъ къ винодѣлію. По окончаніи сбора винограда, что бываетъ обыкновенно въ октябрѣ, начинается подготовленіе растенія для будущей дѣятельности. Въ ноябрѣ освобождаютъ кусты отъ подвязокъ; колья вынимаютъ изъ земли, вѣтки, годныя для размноженія лозы, срѣзаютъ и откладываютъ на чубуки. Землю слегка удобряютъ навозомъ.

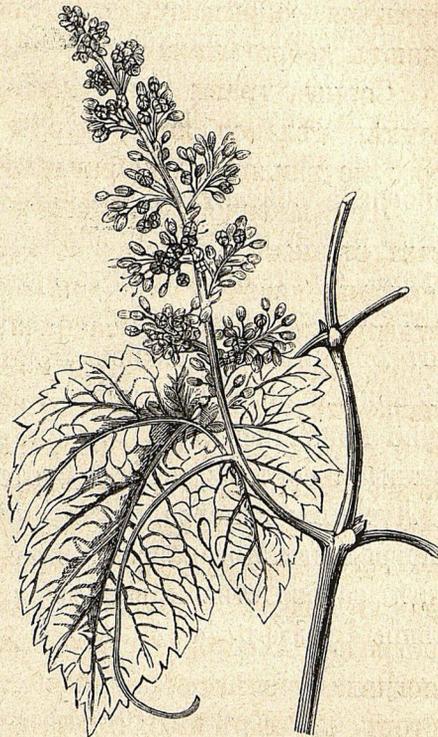
Весной отъ такой зрѣлой уже лозы появляются новые побѣги. При этомъ вновь посаженный чубукъ можетъ считаться

укоренившимся только послѣ двухъ лѣтъ; плоды же начинаетъ приносить на однихъ сортахъ черезъ три года, на другихъ черезъ пять лѣтъ.

Чтобы предохранить срѣзанные осенью для посадки чубуки отъ засыханія, отъ мороза, снѣга и мокроты, ихъ связываютъ пучками и зарываютъ въ ямы на открытомъ воздухѣ.

Виноградная лоза.

Цвѣтокъ винограда.

Виноградный кустъ очень живучъ. Онъ переноситъ и большую засуху, и довольно сильные морозы, но требуетъ продолжительнаго и теплаго лѣта. Предоставленный самому себѣ, какъ дикій виноградъ—онъ можетъ достигъ громаднхъ размѣровъ. Ягоды на дикомъ виноградѣ мелки, но сладки. Стволъ иногда достигаетъ до двухъ аршинъ въ объемѣ. Ко-

личество плодовъ, которое можетъ доставить одинъ кустъ, различно. Въ Алжирѣ есть кустъ, который даетъ ежегодно около 60 пудовъ ягодъ, а въ департаментѣ Gard, во Франціи, есть кустъ, дающій ежегодно до 20 ведеръ вина. Въ Англии, въ Hamton-Court, есть оранжерейный кустъ, дающій ежегодно болѣе 1,000 кистей.

Въ болѣе южныхъ странахъ виноградъ бываетъ крупнѣе и слаще. Такъ же какъ на виноградникѣ, расположенномъ на сильно нагрѣвающихся склонахъ и состоящихъ изъ каменистой почвы, виноградъ вызрѣваетъ скорѣе.

Въ Крыму первая посадка винограда была произведена еще греками, въ глубокой древности. Изъ мѣстныхъ сортовъ винограда считается болѣе 50. Когда же Крымъ былъ завоеванъ Россіей и обратили вниманіе на разработку его виноградниковъ, то стали привозить туда и другіе иностранные сорта. И такъ какъ климатъ Крыма, собственно южнаго берега, сходенъ съ климатомъ южной Франціи и сѣверной Италіи, то и всѣ привезенные изъ этихъ мѣстностей сорта винограда отлично принялись тутъ, что и составило теперь, вмѣстѣ съ мѣстными сортами, до 500 сортовъ винограда.

Лучшими виноградниками на южномъ берегу считаются виноградники Могарачскіе, находящіеся при Никитскомъ училищѣ садоводства и винодѣлія, и виноградники Ливадіи и имѣнія Гурзуфъ.

С. Лаврентьева.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ДЪТИ ЦИРКА.

Разсказъ Сенкевича.

(По польскому оригиналу).

СЕНЬ для калифорнскаго городка Анагейма — дни забавъ и празднествъ. Въ это время идетъ сборъ винограда и всюду толпится народъ: тутъ и мексиканцы, и индѣйцы, особенно племя кагуилла, — послѣдніе приходятъ сюда на заработокъ изъ дикихъ горъ Санъ-Бернадино, лежащихъ въ глубинѣ страны. Все это живописно располагается на улицахъ и торговыхъ площадяхъ, спитъ въ палаткахъ или подъ открытымъ, яснымъ небомъ. Восхитительный городокъ эвкалиптовъ, рициновъ и перцовыхъ деревьевъ, какъ шумная ярмарка, представляетъ странный контрастъ торжественной тишины вблизи пустыни, любующейся на него тутъ же за его виноградниками. Вечеромъ, когда солнце особенно заботливо освѣщаетъ океанъ и лучи его прячутся въ глубину водъ, а въ лазурномъ безоблачномъ небѣ пролетаютъ отъ горъ къ океану въ розовомъ свѣтѣ стаи дикихъ гусей, утокъ, пеликановъ, чаекъ и журавлей — въ городѣ зажигаются костры и начинается веселье. Негры-менестрели упиваются звуками любимой музыки, щелкаютъ кастаньеты, трещатъ и ухаютъ барабаны и ворчатъ бандти. Мексиканцы танцуютъ на раскинутыхъ по землѣ плащахъ свое любимое болеро; индѣйцы вторятъ имъ, держа въ зубахъ бѣлыя палочки, вскрикивая

„e viva“! Костры съ трескомъ разбрасываютъ искры, и при блескѣ ихъ видно, какъ окрестные колонисты вторятъ танцамъ мексиканцевъ и индѣйцевъ, любуясь на ихъ удовольствія.

Когда послѣдняя кисть винограда выжата, изъ Лосъ-Ніетось приѣзжаетъ циркъ г. Гирша, съ звѣринцемъ—обезьянъ, кугуаровъ, африканскихъ львовъ, одного слона и нѣсколькихъ десятковъ попугаевъ. Даже индѣйцы племени кагуилла отдаютъ свой послѣдній грошъ, который они не успѣли истратить, чтобы только видѣть не дикихъ звѣрей, потому что въ нихъ нѣтъ недостатка и въ Санъ Бернардино; но артистокъ, клоуновъ, атлетовъ и всѣ чудеса цирка, которыя кажутся имъ чародѣйствомъ.

Но кто подумаетъ, что циркъ г. Гирша является приманкой только для китайцевъ, индѣйцевъ или негровъ, тотъ вполне ошибается. Дѣйствительно, циркъ привлекаетъ не только окрестныхъ колонистовъ, но и жителей сосѣднихъ городовъ: Вестминстера, Оранжа и Лосъ-Ніетось. Улица Померанцевъ въ это время загромождена возами и экипажами самой разнообразной формы, тутъ все населеніе на лицо. Молодыя бѣлокурыя миссъ весело катаются въ роскошныхъ экипажахъ по улицамъ; испанскія сенориты изъ Лосъ-Ніетось приятно улыбаются изъ-подъ тюлевыхъ вуалей; солидныя дамы, одѣтыя по послѣдней модѣ, съ гордостью опираются на руку загорѣлыхъ фермеровъ, въ потертыхъ шляпахъ, въ фланелевыхъ блузахъ, застегнутыхъ на крючки и петелки, по недостатку галстуха.

Все это здороваается между собой, привѣтствуетъ другъ друга.

Между экипажами, переполненными цвѣтами, гарцуютъ молодые люди. Полудикія лошади, напуганныя шумомъ и крикомъ, становятся на дыбы и ржутъ; но удалые всадники не обращаютъ на это вниманія.

Всѣ бесѣдуютъ о подробностяхъ вечерняго представленія которое должно превзойти своимъ блескомъ все видѣнное до сихъ поръ. Громадныя афиши сообщаютъ о предстоящихъ чудесахъ. Самъ директоръ Гиршъ—„артистъ съ бичемъ“ долженъ дать концертъ съ страшнымъ африканскимъ львомъ. Левъ, согласно программѣ, бросится на директора, единственной обороной которому будетъ служить бичъ. Но по обыкновенію это орудіе превратится въ рукахъ чародѣя въ огненный

мечъ и щитъ. Конецъ бича будетъ жалить какъ гремучая змѣя, мелькать какъ молнія, стрѣлять мѣтко и держать въ надлежащемъ отдаленіи чудовище, которое напрасно будетъ мѣтаться, стараясь броситься на директора. Однако этимъ дѣло не кончается: шестнадцатилѣтній Орсо, американскій Геркулесъ — мулатъ, будетъ носить по три человѣка на каждомъ плечѣ. Кромѣ того, дирекція предлагаетъ сто долларовъ каждому человѣку „безъ различія цвѣта кожи“, который побѣдитъ въ рукопашной схваткѣ юнаго атлета. По Анагейму ходятъ вѣсти о томъ, что изъ горъ Сень Бернадина для схватки съ Орсо прибылъ охотникъ на медвѣдей, извѣстный своей неустрашимостью и силой. Онъ первый изъ калифорнцевъ отважившійся выйти на сѣраго медвѣдя съ топоромъ и ножомъ.

Вѣроятная побѣда охотника медвѣдей надъ шестнадцатилѣтнимъ атлетомъ цирка сильно волнуетъ умы всѣхъ жителей Анагейма. Если Орсо, повергавшій на землю самыхъ сильныхъ янки на всемъ пространствѣ между Атлантическимъ и Тихимъ океанами, будетъ побѣжденъ, то вся Калифорнія получитъ безсмертную славу. Женщины не менѣе мужчинъ волнуются слѣдующимъ за этимъ номеромъ программы: „тотъ же самый могучій Орсо будетъ носить на мачтѣ въ триста футовъ маленькую Дженни — чудо міра“, о которой афиша говоритъ, какъ о прекраснѣйшей изъ дѣвушекъ, когда-либо жившихъ на землѣ“. Не смотря на то, что Дженни только минуло тринадцать лѣтъ, директоръ точно также предлагаетъ сто долларовъ каждой дѣвицѣ „безъ различія цвѣта кожи“, которая отважилась бы помѣриться въ красотѣ съ „воздушнымъ ангеломъ“. Всѣ барышни изъ Анагейма и окрестностей съ особеннымъ интересомъ читаютъ этотъ пунктъ программы и увѣряютъ, что было бы неприлично и недовко вступить въ подобное состязанье. Само собой разумѣется, что каждая изъ нихъ стремится на вечернее представленіе чтобы видѣть юную соперницу; но превосходства красоты ея надъ сестрами Бимпа однако никто не допускалъ. Обѣ сестры Бимпа, старшая Рефюжіо и младшая Мерседесъ сидятъ спокойно въ изящномъ экипажѣ и читаютъ эту афишу. На ихъ прелестныхъ личикахъ не видно ни малѣйшей тревоги, хотя онѣ чувствуютъ, что взоры Анагейма устремлены на нихъ въ

эту минуту, какъ бы съ просьбой постоять за честь цѣлаго графства и вмѣстѣ съ тѣмъ съ патріотической гордостью, основанной на убѣжденіи, что во всѣхъ горахъ и ущельяхъ міра не найдется такихъ роскошныхъ цвѣтовъ, которыми въ лицѣ ихъ надѣлена эта счастливая мѣстность. О! какъ очаровательны сестры Рефюжіо и Мерседесъ! Въ жилахъ ихъ не напрасно течетъ чистая кастильская кровь, о чемъ минутно заявляетъ ихъ мать.

Обѣ сестры нѣсколько смуглолицы, стройны, нѣжны, съ тонкой, прозрачной кожей, съ легкимъ румянцемъ. Большіе, черные глаза смотрятъ задумчиво изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ. Въ кружевныхъ испанскихъ мантильяхъ, въ засыпанномъ цвѣтами экипажѣ сидятъ эти прекрасныя, граціозныя созданія, повидимому не сознающія своей красоты. Анагеймъ любитъся ими, гордится ими, любитъ въ нихъ себя. Итакъ какова же должна быть Дженни, которая мечтаетъ быть побѣдительницей? Правда, газета „Еженедѣльное Субботнее Обзорѣніе“ пишетъ, что когда маленькая Дженни взбирается на вершину мачты, опирающейся на плечо Орсо, повиснувъ надъ землей, рискуя жизнью, и потомъ, тамъ, наверху начинаетъ размахивать ручками и порхать какъ мотылекъ,—въ циркѣ становится тихо и не только взоры, но и сердца слѣдятъ съ трепетомъ за каждымъ движеніемъ прелестнаго ребенка. Кто разъ видѣлъ Дженни на мачтѣ или на конѣ, заканчиваетъ газета, тотъ никогда не забудетъ ее, даже величайшій въ мірѣ художникъ, мистеръ Гарвей изъ Санъ-Франциско, который раскрашивалъ Дворцовую гостиницу, былъ бы безсиленъ нарисовать что либо подобное.

Недовѣрчивая анагеймская молодежь, гордящаяся сестрами Бимпа, утверждаетъ, что все это пустяки, но тѣмъ не менѣе съ нетерпѣніемъ ожидаетъ разрѣшенія своихъ сомнѣній. Между тѣмъ движеніе около цирка усиливается съ каждой минутой. Изъ длинныхъ деревянныхъ сараевъ, окружающихъ полотняный циркъ, доносится рычанье львовъ и слона; попугаи, привязанные къ кольямъ, вбитымъ у сараевъ, неумолкаемо болтаютъ, обезьяны качаются на хвостахъ или передразниваютъ публику, удерживаемую въ отдаленіи веревками, протянутыми около строеній. Наконецъ изъ главнаго сараея выѣзжаетъ процессія, цѣль которой заинтересовать публику, чтобы она окаменѣла отъ любопытства. Во главѣ

процессіи тянется огромный возъ, шестернею, — головы лошадей украшены перьями. Возницы въ костюмахъ французскихъ почталыоновъ. На возахъ стоятъ клѣтки со львами и у каждой клѣтки сидитъ дама съ оливковой вѣтвью въ рукахъ. Тутъ выступаетъ слонъ съ башней на хребтѣ, наполненной стрѣльцами. Трубы играютъ, барабаны бьютъ, львы рычатъ, бичи хлопаютъ, словомъ, весь караванъ двигается впередъ съ шумомъ и гамомъ. За слономъ движется машина съ трубой въ родѣ органа, на которой двое играютъ или скорѣе хрюкаютъ высвистывая самымъ безбожнымъ образомъ народную пѣсню „Янки Дудль“. Иногда играющая пара задерживаетъ дудку и тогда изъ нея выходитъ обыкновенный свистъ, что впрочемъ не уменьшаетъ восторга толпы, которая слушаетъ пѣсню хрюкающей пары внѣ себя отъ радости. Американцы кричатъ — ура! Нѣмцы — хохъ! Мексиканцы — é viva! даже индѣйцы завываютъ отъ удовольствія.

Толпа тянется за возами, около цирка пустѣетъ, попугаи перестаютъ визжать, обезьяны кувыркаться. Знаменитости не принимаютъ участія въ процессіи. На возахъ нѣтъ ни „несравненнаго“ съ бичемъ директора, ни „непобѣдимаго Орсо“, ни „воздушнаго ангела“ Дженни. Все это приберегается къ вечеру, чтобы произвести сильнѣйшее впечатлѣніе. Директоръ сидитъ гдѣ-нибудь въ сараѣ или заглядываетъ въ кассы. Орсо и Дженни заняты репетиціей въ циркѣ. Подъ полотняной крышей цирка господствуетъ тишина. Тамъ въ глубинѣ, гдѣ возвышаются высоко нагроможденныя одна на другую скамьи, совершенно темно. Самое большое количество свѣта падаетъ на осыпанную пескомъ и отрубями арену. При сѣрыхъ проблескахъ свѣта видно стоящаго у парашета коня, подлѣ котораго нѣтъ никого. Конь очевидно скучаетъ, отмахивается хвостомъ отъ мухъ и киваетъ головой. Мало по малу глазъ начинаетъ различать шесть, на которомъ Орсо обыкновенно носитъ Дженни, нѣсколько оклеенныхъ цвѣтной бумагой обручей, сквозь которые Дженни приходится скакать — но все это лежитъ въ беспорядкѣ и эта полусвѣщенная арена, и вполнѣ мрачный циркъ производятъ впечатлѣніе пустыря съ давно заколоченными окнами.

Но гдѣ же Орсо и Дженни? Одна изъ полосъ солнечныхъ лучей освѣщаетъ въ глубинѣ цирка группу, состоящую

изъ Орсо и Дженни. Орсо сидитъ на скамьѣ, а подлѣ него Дженни. Дѣвочка прижалась своимъ прелестнымъ дѣтскимъ личикомъ къ плечу атлета и обвила рукой его шею. Она смотритъ на него внимательно, прислушивается къ словамъ товарища, который, склонившись надъ нею, киваетъ отъ времени до времени головой, какъ бы объясняя и растолковывая что-то. Все ея дѣтское личико выражаетъ сильное напряженіе мысли, ея маленькія ножки, обутыя въ блѣдно-розовое трико, не достаютъ до земли. Дженни очаровательный ребенокъ, ея грустные голубые глаза, полные нѣжной довѣрчивости, задумчиво смотрятъ изъ подъ темныхъ бровей; на высокое, бѣлое чело падаютъ въ безпорядкѣ свѣтлорусые волосы. Дѣвочка напоминаетъ вмѣстѣ Золушку и Гретхень.

Отъ граціозной грезовской позы Дженни рѣзко отличается ея нарядъ изъ газовой юбочки, украшенной серебряными бляхами, такой короткой, что она не покрываетъ колѣнъ и розоваго трико. Въ полосѣ золотого свѣта на темномъ фонѣ, она кажется какимъ-то свѣтлымъ, прозрачнымъ явленіемъ и представляетъ яркій контрастъ съ неуклюжей фигурой мальчика.

Орсо одѣтъ въ трико тѣлеснаго цвѣта; мягкій свѣтъ солнечнаго луча, казалось, съ удовольствіемъ пробѣгалъ по его широкимъ плечамъ и высокой груди. Минутами, когда онъ поднимаетъ голову, видно лицо его: низкое чело, падающіе черные волосы, грустное выраженіе, смѣшанное съ чѣмъ-то грознымъ. Повидимому онъ очень силенъ и добръ.

Когда Дженни проходитъ около стойлъ, лошади поворачиваютъ къ ней свои головы и, глядя на нее умными глазами, тихо ржутъ, какъ бы желая сказать: „какъ поживаешь, голубушка?“ При видѣ же Орсо, онѣ пятятся отъ страха. Орсо мальчикъ несообщительный, угрюмый и унылый. Негры г. Гирша, исполняющіе обязанности шталмейстеровъ, клоуновъ, менестрелей и акробатовъ, не терпятъ его и докучаютъ ему, чѣмъ могутъ, потому что онъ метисъ и, по ихъ мнѣнію, изъ него ничего не зыдетъ, и они открыто выражаютъ ему свое презрѣніе. Директоръ ненавидитъ его и боится въ одно и тоже время, но боится такъ, какъ укротитель звѣрей боится льва,—бьетъ его при каждомъ удобномъ случаѣ.

Орсо сталъ много лучше съ тѣхъ поръ, какъ полюбилъ маленькую Дженни, сиротку какъ и онъ, составляющую вмѣстѣ съ нимъ часть разнообразнаго имущества Гирша. Разъ, годъ тому назадъ, Орсо, который былъ также и надсмотрщикомъ за звѣрями, чистилъ клѣтку кугуара, звѣрь, просунувши лапу сквозь прутья клѣтки, схватилъ его за голову. Атлетъ вошелъ въ клѣтку одинъ и вышелъ едва живымъ изъ страшной свалки, завязавшейся между нимъ и звѣремъ. Онъ такъ сильно пострадалъ, что лишился чувствъ, а потомъ хворалъ долго, потому что директоръ еще отколотилъ его за то, что онъ испортилъ хребетъ кугуару. Во время его болѣзни маленькая Дженни обмывала, перевязывала его раны, а въ свободныя минуты, сидя подлѣ него, читала ему евангеліе. Однажды вечеромъ онъ сильно расплакался, сталъ цѣловать маленькія ручки Дженни и крѣпко полюбилъ ее съ той поры. Послѣ того, когда во время вечернихъ представленій дѣвочка ѣздила на лошади, онъ былъ всегда на аренѣ и слѣдилъ за ней тревожнымъ взглядомъ. Подставляя ей обручи, оклеенные цвѣтной бумагой, онъ улыбался ей, а когда подъ акомпаниментъ мотива „Ахъ! смерть близка!“ носилъ ее къ величайшему ужасу зрителей на вершинѣ шеста, то чувствовалъ страхъ. Онъ не спускалъ съ нея глазъ, а эта осторожность и заботливость движеній увеличивали сочувствіе зрителей. Вызванные бурей рукоплесканій, они выбѣгали разомъ на арену, тутъ онъ выставлялъ ее впередъ. При ней только пропадала его угрюмость и ей одной онъ открывался. Онъ не любилъ ни цирка, ни Гирша. Что-то всегда тянуло его куда-то вдаль, въ лѣса и степи. Когда странствующей труппѣ во время тяжелыхъ переходовъ случалось бывать въ незаселенныхъ мѣстностяхъ, то въ немъ оживали инстинкты прирученнаго волка, который въ первый разъ видитъ лѣсъ. Можетъ быть эту склонность онъ наслѣдовалъ не только отъ своей матери индіянки, но и отъ бѣлаго отца, который былъ охотникомъ, блуждавшимъ по степямъ. Онъ повѣрялъ эти стремленія маленькой Дженни и вмѣстѣ съ тѣмъ рассказывалъ ей о томъ, какъ живетъ въ пустынѣ. Его рассказы были большей частью основаны на догадкахъ и на немногихъ свѣдѣніяхъ; почерпнутыхъ у степныхъ охотниковъ, которые по временамъ доставляли въ циркъ дикихъ звѣрей Гиршу или пытались получить тѣ сто долларовъ

которые директоръ назначалъ за побѣду надъ Орсо.

Маленькая Дженни обыкновенно слушала эти догадки и дѣтскія мечты, широко открывъ свои голубые глазки, въ большомъ раздумьи. Въ разказахъ Орсо Дженни была всегда съ нимъ и имъ было чудо какъ хорошо! Они каждый день видѣли что-нибудь новое, имѣли свое хозяйство и поэтому слѣдовало обо всемъ подумать.

А. С.

(Окончаніе слѣдуетъ).

СТАРЫЙ НАГИ.

„Тростникъ былъ оживленъ божественнымъ дыханьемъ
„И сердце наполнялъ святымъ очарованьемъ“ *).

А. Пушкинъ.

„Мнѣ сладко, мнѣ весело, радостно, словно я въ небѣ,
„Когда на свирѣли играю“ **).

Н. Гнѣдичъ.

РОСТОЕ старческое лицо; длинная пряди сѣдыхъ волосъ на головѣ; бѣлая волнистая борода; добрая улыбка на блѣдныхъ губахъ; обыкновенныя движенія, обыкновенный видъ... Кажется, ничего особеннаго не представляетъ этотъ человѣкъ. Но возьметъ онъ свою самодѣльную дудку, приложитъ ее къ старческимъ устамъ, забѣгаютъ быстро привычныя пальцы „по звонкимъ скважинамъ пустого тростника“—и звуки льются, таютъ, смѣются и плачутъ въ залъ, переполненной любителями музыки. Лицо старика оживлено, глаза полны молодости, блеска—предъ вами уже не простой человѣкъ, а какой-то сказочный волшебникъ. Это — Наги, артистъ

*) Изъ стихотворенія—„Муза“, А. С. Пушкина. См. біографію этого гениальнаго поэта жур. „Игрушечка“ 1880 г.

**) Изъ Идилліи—„Рыбаки“, Николая Ивановича Гнѣдича. Гнѣдичъ—талантливый переводчикъ „Илады“ Гомера, родился 2 февраля 1784 г. въ Подтавѣ, скончался 1833 г. 3 февраля въ С.-Петербургѣ, гдѣ и покойтся прахъ его въ Александроневской Лаврѣ.—На простомъ гранитномъ памятникѣ написано: „Гнѣдичу, обогатившему русскую словесность переводомъ Гомера“.

тростниковой дудк, илибимицы дѣтей и веселой спутницы печальныхъ пастуховъ.

Наги—венгерець; исторія его жизни очень поучительна и интересна. Въ 1848 году онъ служилъ капельмейстеремъ въ одномъ изъ гусарскихъ полковъ, въ Венгріи. Какъ патріотъ, Наги общимъ движеніемъ увлеченъ былъ въ борьбу за независимость. Послѣ сдачи Пилагоса, попалъ въ заточеніе. И потянулись для него тоскливые, грустные дни въ душной камерѣ клаузенбургской тюрьмы, куда только чуть-чуть заглядываль въ маленькое рѣшетчатое окно свободный лучъ ласковаго солнца, робко скользя по темнымъ стѣнамъ непривѣтливаго каземата. Совсѣмъ захирѣлъ бы душой и тѣломъ тогда еще бравый Наги, если бы случайно двое дѣтей, имѣвшихъ доступъ къ заключенному, не принесли ему ножа и затѣмъ время отъ времени не доставляли обыкновенныхъ тростинокъ. Получивъ это дорогое приношеніе, артистъ ожилъ и принялся рѣзать тростинку за тростинкой. Такимъ образомъ Наги вырѣзалъ болѣе ста дудокъ, пока одна изъ нихъ не удовлетворила его музыкальнаго слуха мелодичностью своихъ звуковъ. И тогда—

„По долгомъ молчаньи, къ устамъ поднесъ онъ цѣвницу

„И въ пѣсни унылой излилъ вдохновенное сердце“.

Такъ шли дни за днями...

„То тайную радость, то тайныя грустныя чувства

„Любилъ изливать онъ въ простыхъ, безыскусственныхъ звукахъ,

„Но чистыхъ, но свѣжихъ, какъ юныя листья на вѣтвяхъ“ *).

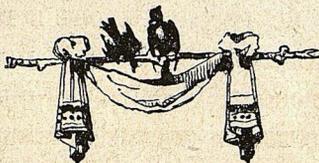
Эта дудка, какъ лучший другъ, въ продолженіе десяти лѣтъ тяжелаго заключенія, облегчала скорбную душу Наги; на ней изливалъ онъ тоску, печаль и горе; на ней минутами вырывались и свѣтлые звуки отрадныхъ, успокоительныхъ надеждъ; съ ней не растается онъ и теперь, исполняя трудныя варіаціи изъ „Венеціанскаго Карнавала“ и др. пѣсь. По выходѣ на свободу, тотъ же старый другъ-дудка доставила Наги средства къ жизни и славу истиннаго артиста.

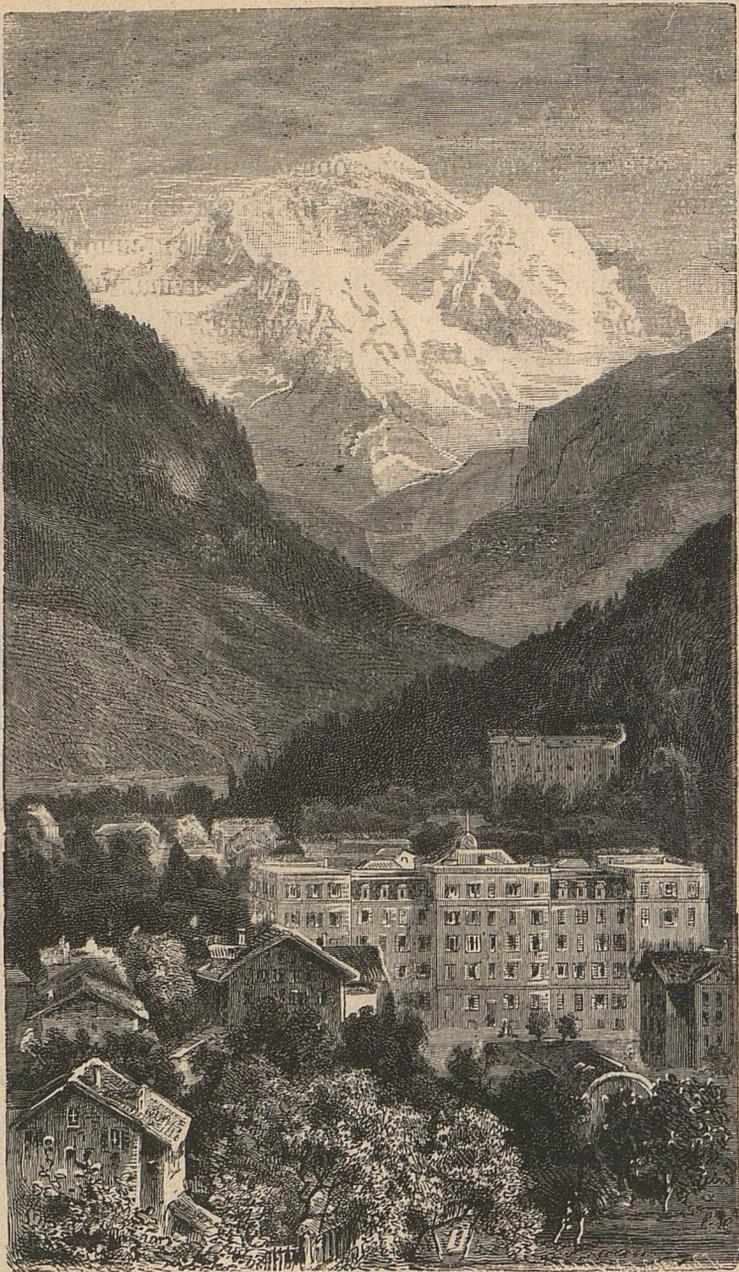
*) Изъ идилліи „Рыбаки“, Н. Гнѣдича.

Путешествуя по всему свѣту. Наги даетъ на своемъ инструментѣ концерты. Въ народномъ театрѣ въ Пештѣ онъ возбуждалъ всеобщій восторгъ и неумолкаемыя рукоплесканія. У принца Уэльскаго въ Кайтонѣ имѣлъ громадный успѣхъ. Датскій дворъ, нѣмецкіе принцы, жители множества городовъ съ наслажденіемъ слушали старика— виртуоза, извлекающаго чудные звуки изъ такой маленькой, простенькой дудочки. Теперь Наги сдѣлалъ себѣ новую тоже тростниковую дудку-альтъ, болѣе совершенную, которая, по внѣшнему устройству, такая же первобытная, какъ и старая его дудка. Онъ отличный импровизаторъ и на любую тему— „въ тѣ минуты, когда вдохновеніе нисходитъ и душу любимца тревожить“, быстро одушевляясь, исполняетъ самыя причудливыя варіаціи; пальцы его ходятъ по отверстіямъ дудки живо, твердо; крѣпкая, развитая грудь и здоровыя легкія ему не измѣняются.

На дняхъ иностранныя газеты принесли вѣсть, что Наги скоро пріѣдетъ и къ намъ въ С.-Петербургъ усладить русскую публику пріятными звуками своей волшебной дудки. Маленькимъ любителямъ дудокъ, дудочекъ и веселымъ музыкантамъ, играющимъ на дорогихъ рояляхъ и шанино, не мѣшаетъ послушать его. Смотря на этого артиста, имъ быть можетъ, придетъ на мысль, что человекъ съ сильной волей, съ желаніемъ не потеряться въ тяжеломъ несчастіи и неблагопріятныхъ обстоятельствахъ при самой незначительной случайности найдется, и, не падая духомъ, не только не погибнетъ, но усиленнымъ трудомъ выйдетъ на свѣтъ Божій и многимъ доставитъ истинное наслажденіе своимъ талантомъ.

Н. Несмѣловъ.

ИНТЕРЛАКЕНЪ и МОНБЛАНЪ.

Редакторъ-издательница Т. ПАСЕКЪ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 февраля 1881 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11-2.